

Социальная политика и интеграция общества

Комплекс проблем, связанных с кругом отношений, определяемых как социальная политика, можно анализировать, исходя из нескольких, в значительной степени различающихся между собой подходов. Это обусловлено и риторической многозначностью самого понятия «социальная политика», и сложностью определения реалий нынешних макросоциальных процессов, происходящих в тех обществах, которые условно предложено именовать «переходными».

Можно выделить по крайней мере три таких подхода. Первый характеризуется достаточно узким толкованием социальной политики как «социальной защиты», «социальной поддержки», а также регулированием тех секторов экономики, которые связаны с народным образованием и здравоохранением. Его принятие позволяет дать той или иной полноты описание экономических, институционально-правовых и организационных аспектов социальной работы. Нет нужды оспаривать значимость данного подхода, выдвигающегося на передний план в стабильном обществе со сложившейся системой социальной поддержки, когда спор о тех или иных недостатках или нововведениях в целом успешно функционирующей системы может оказаться действительно полезным, поскольку позволяет оперативно реагировать на новые потребности.

Иная ситуация складывается в постсоциалистических странах. Российское общество, столкнувшись с новой группой проблем, которые не стояли перед ним ранее, пока не способно эффективно реагировать на них и действует не столько системно, сколько по принципу «латания дыр», которых становится все больше и больше. Мы все оказались свидетелями работы той «фабрики» декретов, указов и постановлений по социальной политике, которая непрерывно их производит в столице и на местах. В сложившихся условиях для определения реалистичной стратегии социальной политики возрастает необходимость дополнения социографических описаний аналитическими исследованиями.

Второй подход связан с рассмотрением более общих проблем социальной политики в контексте взаимоотношения ее стабилизирующей и стимулирующей функций. Уйдя от описания конкретного содержания законов и указов, получателей пособий и сумм, подлежащих выплате, можно было бы принять участие в традиционной для социальной риторики дискуссии, которая актуализировалась в последнее время не только в странах, находящихся в стадии «перехода».

Стержень дискуссии хорошо известен: экономическая эффективность или социальная справедливость. Достаточно известны и основные аргументы сторон. Разговор о социальной политике переместился бы при таком подходе на траекторию «маятника», который довольно успешно раскачивается в стабильных рыночно организованных обществах, позволяя (в том числе через механизмы

научной и политической риторики) модифицировать реальность в сторону или либерального «оздоровления» экономики, или же социальной стабилизации. Рассмотрение социальной стратегии как маятниковой пульсации между «жесткой» и «мягкой» версиями социальной политики широко распространено в настоящее время и среди российских специалистов¹.

Отмечу, что если в общественных дискуссиях на Западе специалисты по социальным вопросам, как правило, склонны защищать мягкий вариант социальной политики, то в России профессионалы в области социальных проблем занимают и противоположные позиции, не теша себя иллюзиями: в кризисных ситуациях разговоры о мягком курсе вряд ли могут выйти за рамки социально-политической риторики. Показательно в этом отношении, что на определено «жесткой» позиции выдержан доклад Института проблем занятости РАН и Министерства труда РФ, «Концепция социальной политики в России в условиях экономической реформы»². Возможно, наиболее интригующим и не очень ясным моментом, связанным с таинством работы маятникового механизма в стабильных рыночных демократиях, является все же внутренняя мотивация, побуждающая независимых интеллектуалов (в данном случае людей, не являющихся по преимуществу носителями определенных интересов) принимать ту или иную сторону в этом диалоге между «полюсами» качания в условиях, когда рациональные основания их равновелики. В эффективном функционировании волнообразной модели социальной динамики, видимо, не последнюю роль играет определенная конфигурация базовых моральных ценностей, существующих в обществе.

Можно с уверенностью сказать, что «команда Гайдара» исходила именно из такого волнообразного представления и о самом «переходе»: сначала — оздоровление, проведенное монетаристскими (либеральными) методами, затем — социальные программы на основе расширившейся ресурсной базы. Свою позицию относительно социальной политики, понимаемой в этой маятниковой схеме, я изложил два года назад в докладе «Осень патернализма?», представленном на семинаре в Хельсинки. Я также поддерживал идею о том, что при проведении радикальных реформ маятник должен был качнуться вправо от центра³.

В основании такой позиции лежали предположения о наличии в обществе либо консенсуса относительно целей и методов обновления, либо сильной политической воли, которые позволили бы начать реализацию нового «большого проекта» — вестернизации России — на путях радикальных рыночных преобразований. После августа 1991 года было ощущение, что по крайней мере одно из этих предположений верно. Есть и еще одно принципиально важное для этой позиции допущение: Запад действительно заинтересован в том, чтобы способствовать быстрейшему вхождению России в клуб промышленно развитых демократий мира.

Однако «командой Гайдара» были сделаны лишь первые шаги на пути реформ, и маятниковый механизм не был запущен. После октября 1993 года и последующих парламентских выборов стало очевидно, что в обществе нет ни консенсуса, ни политической воли, определенно ориентированной на решительный выбор. Не такой однозначной предстает и позиция Запада.

Вместе с тем продолжающийся распад прежних государственных институтов и отсутствие устойчивых «правил игры» при несформированных структурах гражданского общества ведут к дезинтеграции фактически всех общественных отношений. Задача определения путей национальной реинтеграции опять выходит на

¹ См., например, Евстигнеев Р. Цикличность переходного периода. «Вопросы философии», 1993, № 11; Наумова Н. Социальная политика в условиях запаздывающей модернизации. «Социологический журнал», 1994, № 1.

² См. Миккульский К. Экономическая реформа и социальная политика. «Вопросы экономики»,

³ См. Turuntsev E. The autumn of paternalism? «Paper delivered on finnish — russian seminar on social policy». Helsinki, 1992.

первый план. Она же, на мой взгляд, становится в этих условиях и первостепенной задачей социальной политики.

Данное обстоятельство обуславливает актуализацию в современных условиях третьего подхода к рассмотрению проблем социальной политики. Он связан с вопросами общественной реинтеграции и потому с анализом глобальных проблем социальной динамики, с прояснением реальности, скрывающейся за определением «переходное общество», и с теми вызовами, которые продиктованы этой реальностью. Риторически данный уровень проблемы является, наверное, самым запутанным. Это касается как определения координат той точки общественного развития, в которой мы действительно находимся, так и предполагаемых траекторий движения из нее в меняющемся мире. Только в контексте возможных альтернатив, при расширяющейся угрозе социального коллапса, вообще уместны сегодня разговоры о российской социальной политике.

Исследуя процессы, происходящие в «переходных» обществах, директор федерального Института Востока и международных отношений Х. Фогель недавно пришел к неутешительным выводам. Он, в частности, утверждает: если сообщество аналитиков и политиков было бы честным и откровенным, то следовало бы признать, что никто не знает, в какой точке находятся «переходные» общества. И не стоит ли прекратить риторическую игру и перестать притворяться, что якобы существуют стандартные рецепты перехода от государственного социализма к системе, более совместимой с западными демократиями⁴. Возможно, что это крайнее суждение, но вместе с тем оно достаточно симптоматично с точки зрения существующего кризиса объяснительных моделей перехода.

Действительно, задачи национальной реинтеграции и на ее основе возрождения России сегодня выглядят сложнее тех «модернизационных» задач, которые в этом столетии решали другие европейские страны. К примеру, если послевоенная Германия «с нуля» создавала «новые правила игры», а Франция при генерале Ш. де Голле решала задачи сохранения статуса великой державы, то в России, похоже, эти задачи противоречиво накладываются одна на другую. Причем создание новых «правил игры» происходит в отсутствие широкомасштабной поддержки, в свое время оказанной Германии (план Маршалла), а сами «новые правила игры» способны разрушить те сферы экономики, которые в недавнем прошлом обеспечивали стране статус мировой державы (ведь нельзя не признать, что в некоторых областях Россия находилась на технологически передовых рубежах). Это противоречие довольно наглядно.

Недавно академик Т. Заславская на семинаре Интерцентра определила положение, в котором оказалась страна, как точку «бифуркации», из которой с равными возможностями развитие может пойти по противоположным направлениям. О конкретных сценариях развития высказываются самые различные предположения. Довольно широкий спектр их был предложен в книге Д. Ергина и Т. Густафсона⁵. Однако представленные в этой книге сценарии не обозначают, на мой взгляд, перспектив развития России в контексте тех новых тенденций в мировых отношениях, которые могут возникнуть в результате самого осуществляемого «перехода». Контекст принимается за данность с вестерноцентристских позиций линейного прогресса, и это обедняет историософскую проблематику перехода.

Я сторонник той точки зрения, что основной социально-политический мотив происходящего перехода связан с древним спором между Спартой и Афинами, который в XX веке стал еще более актуальным, чем во времена Платона. К. Поппер определил присутствующую здесь оппозицию как «холизм—индивидуализм»⁶. Эта оппозиция проявлялась на протяжении веков и в разных

⁴ См. Фогель Хайнрих. Мантры в западной риторике о трансформации. «Россия и современный мир», 1993, № 2.

⁵ См.. Yergin D., Gustafson T. Russia 2010 and what it means for the world. New York, 1993.

⁶ См.. Popper K. R. The open society and its enemies. London, 1966.

культурах, что свидетельствует о глубинных (архетипических) истоках ее существования, а потому нет оснований считать, что указанный спор вообще когда-либо может быть закончен. По крайней мере возможно допустить, что он — один из вечных спутников человечества. В русской социальной мысли данная оппозиция рассматривалась как «соборность—индивидуальность», а в современной риторике в качестве синонима «холизма» используется также понятие «трайбализм», а «индивидуализма» — «персонализм».

Исторические перспективы всех «переходов», осуществляемых в Новое время — с точки зрения наличия в культуре этой оппозиции,— по-моему, достаточно верно определяет знаменитый лозунг Великой французской революции «Свобода, Равенство, Братство». Современные общества в своих социокультурных основаниях связаны со всеми тремя обозначенными моральными ценностями, но лишь одну из них имеют в качестве базовой — интегрирующей социум и придающей своеобразное звучание остальным ценностям.

Именно базовая ценность определяет полюс притяжения — «трайбализм» или «персонализм». Для современных обществ свобода, таким образом, является интегрирующей моральной ценностью либеральных и социальных демократий, равенство — базовой ценностью прокоммунистических режимов и братство — профашистских. На мысль о последнем наводит не только Большой Брат Д. Оруэлла, но и сама этимология понятия «фашизм», связанная с акцентированием групповой солидарности, единства. Это, конечно, достаточно условная схема, но, по-моему, она верно определяет, если воспользоваться веберовским понятием, «идеальные типы» современных обществ.

«Трайбалистские» проекты в такой трактовке находятся в относительно более выигрышном положении: у них шире ценностная база (равенство, братство) и по преимуществу за ними стоит длительная история человечества. Наконец, И. Сталин и А. Гитлер доказали, что и сегодня «трайбализм», несомненно, обладает огромными ресурсами для быстрой социальной интеграции общества — возвращения уставшей или слабеющей нации «задора молодости», «энтузиазма и пафоса». В терминах Л. Гумилева — наверное, одного из самых читаемых сейчас в России авторов — это означает подъем «пассионарности этноса», т. е. увеличения «энергетического потенциала» народа, необходимого для его выживания и развития⁷.

К сожалению, ценой такой социальной интеграции в современном мире является не только массовое подавление личности. Ее осуществление в рамках любой мировой державы может иметь своим следствием не риторический «конец истории» Ф. Фукуямы, а реальный конец истории — глобальный военный конфликт. Поэтому сегодня с позиций интересов развития человечества нет более значимой цели социальной политики как политики, направленной на благо людей, нежели достижение нового устойчивого равновесия в мире, способного усилить коллективный иммунитет к разрушительным трайбалистским проектам. Мое глубокое убеждение, что «переход», осуществляемый странами восточно-европейского региона и Россией, должен способствовать значительному укреплению позиций «индивидуализма» в споре с «трайбализмом». В этом видится важнейшая и именно социальная цель трансформации.

Моральная ценность свободы сегодня подвергается испытанию не только в регионе, осуществляющем трансформацию, но и в странах с устоявшимися демократическими традициями. Ведь и для них трансформация — в силу ее масштабного характера — создает реальные проблемы, что может спровоцировать трайбалистские решения. Соблазн в трудной ситуации пойти по этому проверенному пути национальной консолидации и сейчас, и в дальнейшем будет искушением не для одной России. Благодушные устойчивых рыночных демократий относительно их застрахованности от рецидивов «холизма» кажется довольно наивным. Существуют убедительные доказательства, что в социокультурном генотипе процвета-

⁷ См. Гумилёв Л. И. Этногенез я биосфера Земли. Л., 1990.

ющего сегодня «среднего класса» имеются основания для тяготения к обоим полюсам оппозиции «трайбализм»—«персонализм». Совершенно не случайно тема «обвальной фашизации» демократического общества в качестве предупреждения устойчиво присутствует в современной западной культуре.

Недавно в частной беседе с американскими политологами я услышал одну парадоксальную мысль. Она связана с тем, что сейчас именно в России, пережившей опыт осуществленной коммунистами «трайбалистской» интеграции, выработался один из самых сильных в мире иммунитетов к ней. Американцы считают, что если бы на Западе размеры хаоса были сопоставимы с российскими, за Жириновского голосовало бы не 25%, а по крайней мере 75 процентов. Не обсуждая правильность данного тезиса, отмечу, что подобные рассуждения выявляют важную вещь: позиции «индивидуализма» не столь сильны в мире, как кажется на первый взгляд. И задача их укрепления действительно актуальна.

Однако при всем очевидном гуманизме и столь необходимом в ядерный век здравомыслии, которые содержатся в «персоналистском» проекте, на поверку оказывается, что его реализация в ситуациях «перехода» наталкивается не только на «непримиримую» оппозицию со стороны профашистских и прокоммунистических сил, но сталкивается с проблемами как бы внутри собственного пространства. С одной стороны, причиной появления таких проблем являются большая изощренность механизмов социального регулирования «открытого общества», их сложность. Множественные противоречия, которые возникли за последние годы в странах «перехода» при применении различных его «рецептов», только лишний раз это подтвердили. С другой стороны, возникают трудности, связанные с расширением поля «свободы» в геополитическом пространстве, когда оппозиция «трайбализм»—«персонализм» начинает работать на уровне задач не национальной интеграции, а мировой интеграции национальных «персоналистских проектов».

Представляется полезным рассмотреть под этим углом зрения некоторые важные изменения в объяснительных моделях «перехода», т. е. в проблематике «модернизации», которые произошли за последнее время в либеральном российском обществоведении.

Начальный этап российского «перехода» характеризовался, как известно, мифологизацией рыночных отношений, сопровождавшейся почти полным «вымыванием» идеи социальной справедливости из демократической части спектра социально-политической риторики: справедливость «запятнала себя» как категория, демагогически используемая коммунистами. В качестве ценностного фундамента рыночных отношений решительно поддерживались принципы индивидуальной свободы. Связанная с «веберовским ренессансом» в российской социальной науке и получившая широкое распространение в конце 80-х — начале 90-х годов теория модернизации в качестве переходной идеологии была фактически синонимом вестернизации. Сам «переход» рассматривался как операция болезненная, но с определенно скорым и социально благополучным исходом.

Однако по мере углубления экономического кризиса и нарастания социальных противоречий в трактовке модернизации стали смещаться акценты. Прежде всего ее перестали рассматривать в роли такой теории развития, которая (как некогда марксизм-ленинизм) гарантировала бы быстрый или медленный, но в любом случае прогресс. В либеральной риторике появилось осознание того, что нынешнему неустроенному социальному бытию может противостоять не лучшее социальное бытие, а социальное небытие. И потому вопрос стоит не «кем быть?», а «быть или не быть?»⁸.

В трактовке глобальных перспектив развития России акценты с вестерноцентризма и соответствующей ему теории догоняющей модернизации были перенесены на проблемы становления нового типа мироцелостности. Это означало,

⁸ См. «Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы „круглого стола“»). «Вопросы философии», 1993, № 7.

что если ранее Россия была включена в мир путем ее тотального противостояния Западу в качестве иного полюса, то в результате перехода должна сформироваться новая модель мировых отношений, в которой нет необходимости непременно слиться с Западом, для того чтобы занять место достойного партнера в геополитическом поле «свободы».

Изменились также представления и о человеческой составляющей «перехода». Подверглись сомнению достаточность «свободы» в качестве ценностного основания хозяйственной деятельности рыночных субъектов. Это выразилось в критике очевидно упрощенных представлений о самодостаточности индивидуальных экономических мотиваций для экономического процветания, надежд на всемогущую «невидимую руку» рыночных сил. Как показал опыт, самой большой проблемой переходного общества стало не столько то, что тоталитаризм отбил вкус к свободе, сколько утраченная способность к внутренним ограничениям, к трудовой аскезе и — возможно, главное — к чувству меры в социальных взаимоотношениях.

Наконец, были отмечены ограниченные возможности теории запаздывающей модернизации как мобилизующей идеологии в условиях, когда промышленно развитые страны проходят стадию «постмодернизации». Некоторые иронично настроенные исследователи в этой связи заметили возможность совсем иной постановки вопроса: а не идет ли Запад по пути запаздывающей постмодернизации? Действительно, если характерной чертой модернизированного социума является «дух модернисти», то, соответственно, для следующей стадии должен быть характерен «дух постмодернити». Любой же, кто знаком с нынешней российской культурой, знает, насколько сильны ее постмодернистские основания. Впрочем, дело даже не столько в культуре, сколько в сюрреализме обыденной российской жизни, который вполне вписывается в постмодернистские представления о реальности.

Следует добавить, что наблюдаемый на Западе неоконсервативный интерес к традиционным ценностям вообще ставит под сомнение устоявшееся понимание модернизации как оппозиции «традиционализма—современности». Это, кстати, одна из причин, толкающих на поиск новых генерализующих объяснительных моделей социальной динамики.

В целом относительно тех сдвигов в рассуждениях о трансформации, которые стали результатом ее столкновения с реальностью «перехода», можно сделать один важный вывод: это возвращение марксовых «интересов» на свое законное место в объяснительных моделях российского бытия. На предшествующем этапе они были не просто потеснены, но буквально вытолкнуты из демократической риторики веберовскими «ценностями» в вопросах, связанных с интересами как индивидуальными, так и национальными.

В одном случае акценты на мотивации индивидуальной инициативы теперь подкрепляются акцентами на проблемы внутренних ограничений личности, т. е. на необходимости развития не любой эгоистичной, но лишь ответственной свободы. В другом — проявляется трезвая реакция на ту часто занимаемую Западом позу победителя в холодной войне, имеющем право диктовать условия нового мирового порядка, исходя исключительно из своих интересов и забывая, что проиграла в конечном счете не Россия, а коммунизм. Если в начале «перехода» в демократических кругах говорить о национальных интересах было почти дурным тоном, теперь эти проблемы затрагиваются не только в порыве националистической истерии. Либерально настроенные аналитики произносят эти слова тем же спокойным тоном, каким их произносит, допустим, Г. Киссинджер, говоря о национальных интересах США. Сделанные наблюдения позволяют прийти к заключению, что в российской либеральной риторике о трансформации в целом закончился ее идеалистический этап.

Действительно, равенство и братство гораздо естественнее, чем свобода, увязываются в одном контексте с интересами. Однако вне этого контекста увязки с интересами никакая общественная интеграция происходить не может. И в том,

что такая увязка свободы и интересов появилась, определенно проявляется реализм. В то же время нельзя забывать, что изжитый идеализм имеет свою питательную среду в виде некоторых стереотипов, уходящих корнями в наше трайбалистское прошлое, в отношении к «оппозиционным» ценностям. Преодолевая традиционные представления, страна приходит к пониманию того, что подлинная свобода состоит не в подавлении «оппозиции», а даже напротив — в создании гарантий и определенной меры равенства для всех членов общества и возможностей для существования самых различных видов братств: от религиозных сект до сексуальных меньшинств.

Каким образом новые акценты в риторике могут быть спроецированы в область практической социальной политики в свете задач реинтеграции общества?

Международные экономические отношения значительно больше связаны с социальными проблемами перехода, чем об этом принято говорить, поскольку далеко не в последнюю очередь именно они определяют как рост ресурсных возможностей социальной политики в рамках реализации «персоналистского» проекта, так и саму ориентацию переходных стран на этот проект. Безусловно, реинтеграция российского общества осуществляется с большой оглядкой на реальные перспективы вхождения в мировое экономическое сообщество. И акцент на национальные интересы России (прежде всего на экономические интересы), которые могут противоречить интересам других промышленно развитых стран, конечно же, обусловлен ключевой для рыночного хозяйства проблемой — контролем над рынками сбыта.

Если задача социальной политики — служить усилению социальной ориентации экономики, а реалистическая социальная политика исходит из первоочередных задач достижения определенного уровня ее эффективности, то трудно предположить, что эти задачи могут быть успешно решены в рамках тех несбалансированных экономических отношений между Россией и Западом, которые остались нам в наследство от прошлого. Гуманитарная помощь и рассматриваемые в качестве помощи «связанные кредиты» в принципе не решают проблем несбалансированности. Здесь нужны новые политические подходы, преодолевающие региональный трайбализм, который замыкает «открытое общество» в рамки элитарного клуба.

В условиях современного уровня международного разделения труда и высокой степени интернационализации хозяйственных связей — это фактически вопрос о назревающей необходимости нового раздела международных товарных рынков. Опасность со стороны «коварного трайбализма» здесь проявляется не только в появлении Жириновского, но и в тенденциях, связанных с делением Западом «переходных» стран на «своих», с которыми можно дружить и по возможности делиться достигнутыми преимуществами, и «чужих», которых надо сторониться. Существуют симптомы, что такое деление может произойти просто по классическому средневековому образцу — конфессиональному признаку. «Свои» — католики и протестанты; «чужие» — из другого трайба. Нет нужды вновь перечислять причины неприемлемости в сегодняшнем мире подобного (как и всех других) трайбалистского решения.

Акцентирование проблем несовпадения интересов отдельных социальных групп российского общества и необходимости перераспределения между ними преимуществ, получаемых в результате увеличения поля «свободы», также связано с задачами общественной реинтеграции и соответствующей им социальной политикой. Резкие деформации в области распределения доходов, характерные для сегодняшней России, представляют, возможно, наибольшую опасность для перспектив успешного завершения «перехода» и для достижения хотя бы той стадии, на которой мог бы быть запущен «маятниковый механизм».

Ключевая проблема в этом процессе — создание «новых правил игры». Именно их отсутствие не позволяет «маятнику» раскачиваться. С одной стороны, получаемые «новыми русскими» сверхдоходы не инвестируются в национальную экономику, поскольку частные инвестиции не защищены законом. С другой сто-

роны, сверхдоходы в очень малой степени попадают под финансовый контроль, что делает невозможным их перераспределение. Таким образом, пока идет борьба между политическими и идеологическими элитами относительно «правил игры», прагматики-используют эту ситуацию в собственных интересах, социально обостряя проблемы перехода.

Подчеркивая первостепенную важность законодательного регулирования в «открытом обществе», Поппер незадолго до смерти высказал идею о полезности заимствования для России какой-либо целостной правовой системы (например законодательства Франции или Германии)⁹. Насколько я знаю, данное предложение не обсуждалось, но сама проблема от этого не становится менее важной. России нужно целостное законодательство, в рамках которого только и возможно говорить о современных стратегиях социальной политики.

В заключение отмечу: поскольку в любой социальной риторике, несомненно, есть идеологический подтекст, данная статья, вероятно, не исключение. Я хотел бы быть беспристрастным, но у меня, очевидно, есть симпатии, и они, подчеркну еще раз, на стороне тех социальных решений, которые могут обеспечить России и миру их развитие в складывающейся реальности.

⁹ См. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. М., 1992, с. 3—15 (предисловие к русскому изданию).